

КОЛЫВАНСКАЯ ШЛИФОВАЛЬНАЯ ФАБРИКА

«Иностранцев изумляют наши огромные вазы и целые купальни яшмовые и порфиновые. Везде есть яшма и порфир, но нигде нет подобных изделий».

Минералог Д. Соколов, 1824

ВВЕДЕНИЕ

Столетие существования Колыванской шлифовальной фабрики (1802—1902) было ознаменовано изданием интересной книги, составленной ее директором П. А. Ивачевым и знатоком алтайского прошлого Н. С. Гуляевым, архивариусом Алтайского горного управления.

Если к этому прибавить ряд ценных архивных данных, найденных мною или переданных мне в 1915 г. в Барнауле Н. С. Гуляевым, то можно нарисовать довольно полную картину этого своеобразного художественно-промышленного учреждения, затерянного среди красивых предгорий Алтайских хребтов за многие тысячи километров от культурных и художественных центров нашей страны.

Много замечательных изделий, известных во всем мире, создано на этой фабрике. Художественная сторона ее изделий не всегда была на высоте, но это искупалось замечательной техникой, тончайшим мастерством, грандиозностью замыслов и великолепием самих поделочных камней, которыми природа щедро наделила Алтай.

Благодарной памяти потомства заслуживают пионеры алтайского цветного камня, выросшие на этой фабрике: Петр Шаньгин, организатор Салаирского рудника, исследователь недр и растительности Алтая Гавриил Семенович Качка и многие другие, сумевшие выявить богатства края и открыть новый мир цветных камней, не имеющих равных себе в других странах.

Камни Алтая, завезенные до первой мировой войны в Германию, были окружены особой таинственностью: им приписывали происхождение из недоступных хребтов Тибета и под наименованием «тибетских камней» продавали в виде полированных брошек, сережек или маленьких вставок в кольца.

СТАРАЯ ФАБРИКА
ПРИ ЛОКТЕВСКОМ ЗАВОДЕ
(1787—1802)

Начало этой фабрике было положено в далекое елизаветинское время, когда управляющему Тульским оружейным заводом бригадиру Беэру, в ведении которого находились и Колывано-Воскресенские заводы на Алтае, царица Елизавета Петровна дала такое приказание:

«Повелеваем Вам на Колывано-Воскресенских Демидова заводах как серебряную и золотую руду, так и прочие минералы, какие тамо найтись могут, надлежащим образом осмотреть... и как в тех, так и прочих местах, где разведать можете о каких минералах, чего еще на свет не произошло, потому учинить свидетельство и пробы и обстоятельные описи по Вашему искусству и благорассуждению, и те пробы с собою привезть и объявить нам».

Осенью 1744 г. Беэр с таким поручением прибыл в Екатеринбург (Свердловск), откуда, захватив с собой гранильщика Ивана Опарышева, отправился на Алтай, тогда далекую окраину России.

Для обнаружения таких сокровищ, которых, по выражению указа, «еще на свет не произошло», Беэр употреблял разные способы, прибегая к правильно организованным поискам и широко используя указания знатоков местного края.

Так, солдат Заливин сообщил ему: «Я слышал в городе Томском от жителя Ивана Степного, что знает он, Степной, в камню (т. е. в горах) Кара-Коле такие вещи, чем стекла режут, да и тот камень таков, что как против его человек станет на коне, то оной в том камне видеться весь».

Крестьянин деревни Калманки Федор Мальцев представил несколько камешков «с блистанием», найденных им в горе, причем сообщил точное место находки этого камня — «по течению реки Калманки на левой стороне, от которой с издалека оказывается блистание и в ней камень видом с красна багровый, гладкой, грановитой». Однако принесенные минералы и указания местных жителей не удовлетворяли знатока камня гранильщика Ивана Опарышева, который аттестовал их Беэру как «несамодействительные». Материалы комиссии Беэра и образцы цветных камней, привезенные ею, по-видимому, не произвели впечатления и на царский Петербург. Прошло еще 40 лет, пока вновь цветные камни Алтая не привлекли к себе внимания, причем толчком к этому послужила находка около Локтевского завода черного порфира, после испытания на гранильной фабрике оказавшегося «весьма подходящим».

Для выяснения вопроса о пригодности алтайских камней из Екатеринбурга был выслан на Алтай первый мастер Иван Саввич, который, согласно архивным данным, «присоединил к заводской лесопилке для обработки камней особую машину». По-видимому, на этом примитивном станке и были получены первые шлифованные камни.

Известный знаток и любитель минералов начальник Горного управления генерал П. А. Соймонов, реорганизатор Колывано-Воскресенских заводов, уже

в январе 1786 г. уведомил управляющего заводами Г. С. Качку, что поднесенные «ее императорскому величеству разные порфиры и брекчии, агаты и яшмы в окружности, объемлемой Кольвано-Воскресенскими заводами, удостоены были всевысочайшего благоволения. Изустно же ее императорское величество высочайше указать мне соизволило, чтобы со стороны заводской приложено было старание о сыскании тех мест, где поднесенные, мною описанные выше сего камня находятся, и когда удостовериться будет можно о месте пребывания их, то учредить каменную ломку и шлифовальную при заводах фабрику для обрабатывания колонн, вазов, столов, каминов и других сим подобных приборов и препоручить оное в точное и непосредственное на тех местах распоряжение Вам, яко начальнику в той области ее императорского величества заводов».

Во исполнение этого поручения генерал Соймонов предложил Г. С. Качке: «По открытии будущей весны благоволите отправить в горы Алтайского хребта, а особенно к вершинам рек Чарыша, Убы, Ульбы и других из сего пояса текущих рек, и иные места, несколько партий для такового обыскания...

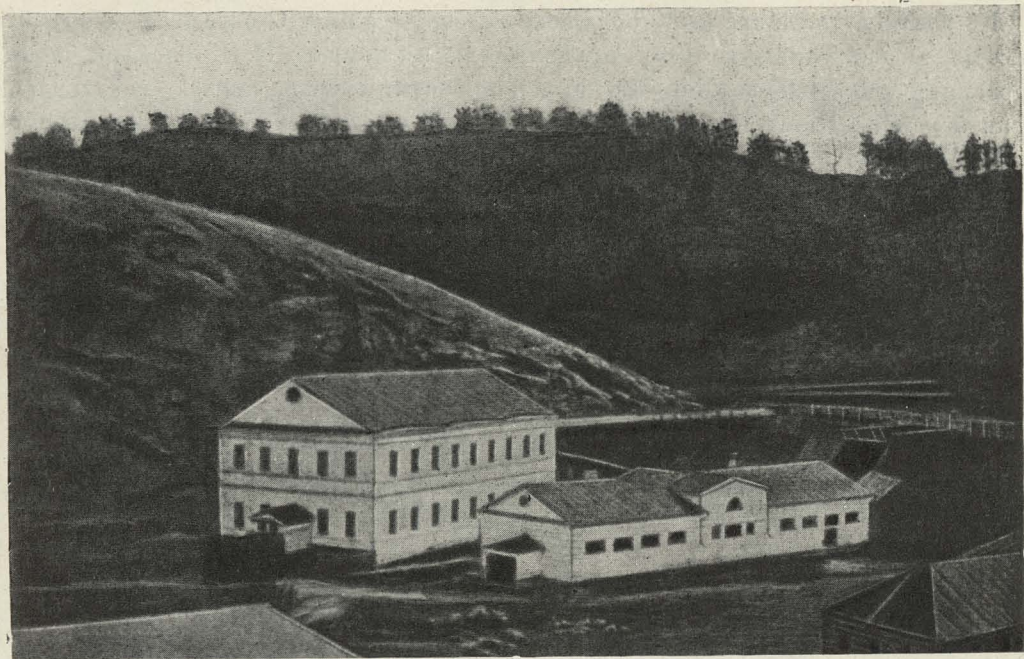
Хотя местопребывание в горах многих из сих камней неизвестно, а может непременно открыто быть по точнейшему изысканию, но из них некоторые целыми горами сведомы, как-то, например, черный порфир, близ Локтевского рудника находящийся, который в целом свете мало известен, а потому и благоволите, Ваше высочайшее, приказать оную будущую весною разработать, стараясь, поелику возможно, отрывать от нее наибольшие куски для колонн и вазов».

Этот документ, найденный Н. С. Гуляевым в архиве Салаирского края и говорящий далее о хозяйственных вопросах и финансировании будущего предприятия, совершенно определенно указывает на причины организации шлифовальной фабрики на Алтае, датой основания которой считается 1786 год.

П. А. Соймонов все время заботился об успехе начатого дела. В своих письмах Г. С. Качке он сообщает о методах обработки твердых камней, направляет известного минералога Ренованца в Барнаул по соглашению «с господином действительным тайным советником и разных орденов кавалером Иван Ивановичем Бецким», командирует на Алтай двух мастеров с Петергофской гранильной фабрики, а также специалистов для ломки камней.

Новый управляющий заводами Г. С. Качка, со своей стороны, развивает исключительную энергию и весною 1786 г. отправляет девять поисковых партий: первую — под командой обер-гиттенфервальтера Петра Шаньгина; вторую — под руководством берггешворена Филиппа Риддера (открывшего ныне работающий Риддерский рудник); третья была поручена маркшейдеру Богдану Ключе, четвертая — бергпробиреру Ивану Бугрышеву, пятая — бергмейстеру Григорию Бровцину, шестая — бергмейстеру Карлу Беру, седьмая — обер-гиттенфервальтеру Василию Чулкову, восьмая — шихтмейстеру Абраму Гериху, девятая — шихтмейстеру Лиденталю.

Результаты поисков, особенно партий Шаньгина и Риддера, были блестящими, а самым замечательным было открытие в верховьях р. Хаир-Кумир месторождения белой яшмы. П. А. Соймонов приветствовал открытие замечательных

Общий вид Кольванской фабрики. Фото 1902 г.

яшм и просил прислать ему несколько коллекций яшм, гранитов и порфиров. Он писал в декабре 1787 г.:

«... При сем присовокупляю следующую мою просьбу: минералогия сделалась ныне болезнью всеобщей: все руды собирают, у всех просят, а потому судить можете, что и я в числе оных не забыт. Но, ей-ей, тошно — так растормошили мой Кабинет, что я и сам не знаю, как привести его в порядок. Для избежания таковых зловредных моему собранию поисков, а паче для удовольствования европейских господ ученых, до которых мне, по отправлению наших студентов в чужие края, крайняя нужда бывает, а другим нечем снискать их благоволение, прошу вас, мой милостивец, набрать мне штуфов и получше и похуже и ко мне доставить, а особливо прошу локтевских для моего Кабинета».

Получив это письмо, Г. С. Качка торопится исполнить просьбу Соймонова и предписывает выбрать лучшие образцы из собранных и хранящихся при рудниках Семеновском, Николаевском, Черепановском, Петровском, Матвеевском, Гольцовском и Пихтовском. Из письма Г. С. Качки видна интересная подробность: уже в то время на Алтае стали появляться коллекционеры-иностранцы. По этому поводу Г. С. Качка пишет управляющему Змеиногорским рудником: «Подтвердить накрепко смотрителям, чтобы попадающиеся при всех помянутых местах (т. е. рудниках.— А. Ф.) штуфные руды отбирали и хранили покрепче, дабы оне в посторонние руки уходить не могли...».

Но главное внимание было обращено на белую яшму. С огромной энергией, несмотря на наступившую осень, продолжались ее поиски; П. И. Шаньгин вновь отправляется в верховья Хаир-Кумира и привозит оттуда, правда, небольшие, куски белой яшмы с «прослоями, напоминающими растения и деревья». Яшма эта была срочно переслана с «серебряным» караваном в Петербург, откуда Соймонов писал:

«Кусочки древовидной белой Вашей яшмы здесь в крайнем уважении, и приятели мои просят, чтобы доставить им на табакерки плиток, о чем Вас, моего милостивца, прошу. Желалось бы мне иметь две или три табакерки круглые, которые можно было бы поднести ее величеству».

Так началась деятельность маленькой шлифовальной фабрики, которая была построена при Локтевском заводе на р. Алее, а название ее было связано с тем поворотом, или «локотью», который образует в этом месте течение реки. Уже в первый год работы фабрики царице были отправлены «две столешницы, две вазы вышиной по одному аршину и три книжки; все эти вещи были сработаны из черного локтевского порфира».

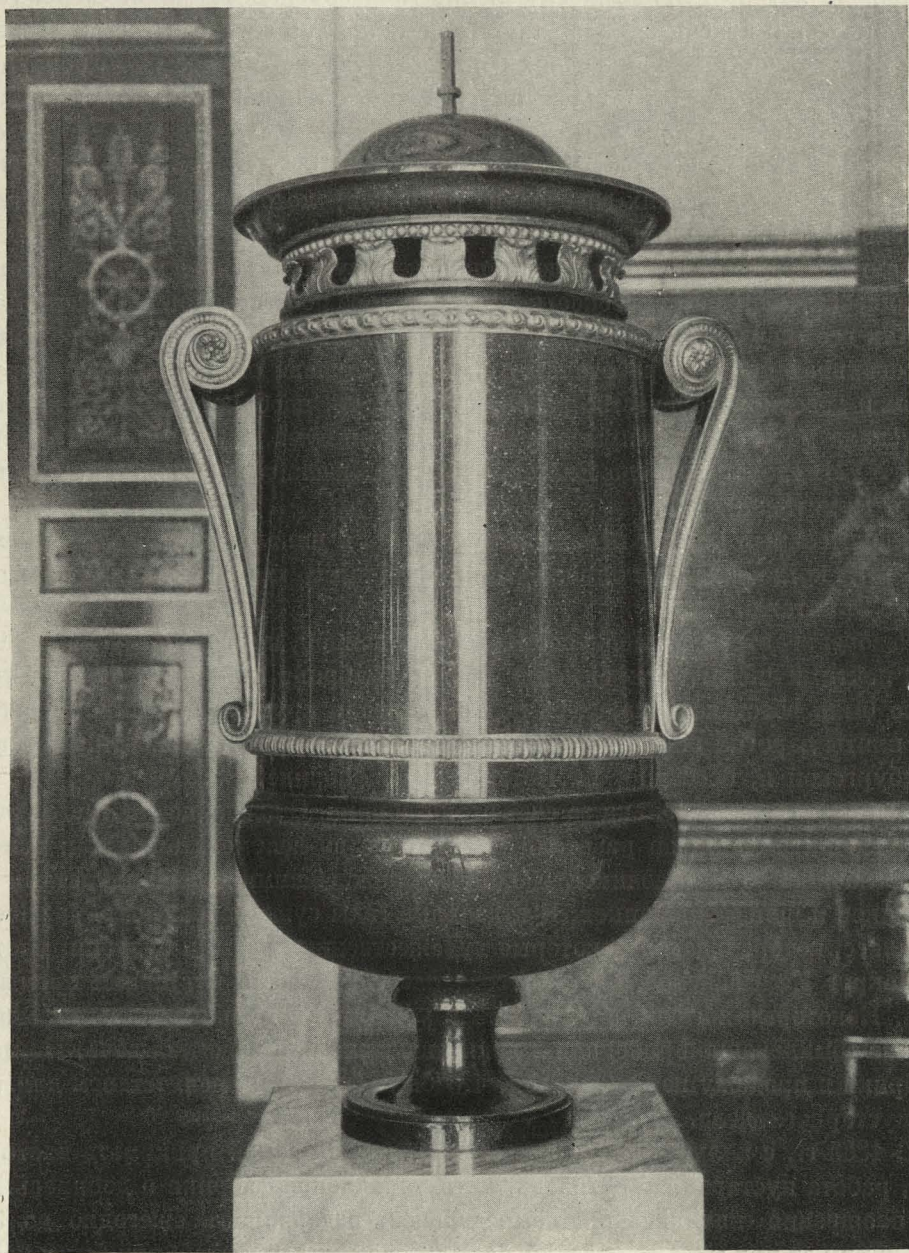
НОВАЯ ФАБРИКА НА КОЛЫВАНИ

Находки новых месторождений цветных камней открывали широкие перспективы перед камнерезным производством на Алтае. Присланные в Петербург первые большие вазы и чаши произвели хорошее впечатление на Екатерину II. Посоветовавшись с И. И. Бецким, она решила перенести фабрику поближе к месторождениям замечательного коргонского порфира и громадным залежам зеленоволнистой ревневской яшмы. Но это произошло уже при Павле I, когда состоялся указ Кабинета: «Закреть Колыванский серебро- и медеплавильный завод и устроить вместо него шлифовальную фабрику».

В 1802 г. новая мельница-фабрика была пущена в ход. Большое наливное колесо, 6 м диаметром, силой в 17 «паровых лошадей» и при помощи зубчатых колес приводило в движение различные обрабатывающие механизмы — пилы, терки, шлифовальные круги, полировальные станки и т. д.

Колыванская фабрика расположена среди живописных и суровых Алтайских гор. Вот как описываются они в книге «Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае» (1902):

«Для едущего со стороны г. Барнаула ровная безлесная степь оканчивается на последней станции перед Колыванью, в дер. Ручевой, и довольно быстро переходит в холмистую горную местность, покрытую различными кустарниками: черемухой, акацией, рябиной, жимолостью и проч. Чудная сочная трава, испещренная массой разнообразных цветов, множество горных ключей, пробивающихся наружу, необыкновенная чистота воздуха, красивые повороты шоссе и наконец приятная свежесть, даже в самую жаркую пору, делают эту последнюю станцию одним из лучших по впечатлению переездов. Не доезжая 9 верст до Колывани и поднявшись из так называемых Ведявкиных логов, любитель природы будет

*Ваза из красного алтайского порфира с бронзой. Высота 120 см.
Работа Кольванской фабрики, 1798 г. Гос. Эрмитаж.*

решительно очарован развернувшейся перед его глазами чудной панорамой гор, у подножья которых приютилось селение Колыванской фабрики. Слева тянется очень длинная и красивая Фабричная гора, покрытая сосновым лесом, справа — целая гряда синеющих Гляденских гор идет туда же на восток и, поворачивая немного влево, переходит в красавицу Синюху, составляющую центр пейзажа... На фоне этой синей горы рисуется обнаженная от леса вершина небольшой горы — это первый рудник, открытый Демидовым на Алтае в 1723 году. Отсюда началась жизнь Алтайских заводов и рудников, которые вначале назывались Колывано-Воскресенскими заводами.

Таким образом, местность, где расположена существующая ныне Колыванская фабрика, есть место историческое, по крайней мере по отношению к жизни Алтая».

Как все государственные предприятия, связанные с дворцовым ведомством, шлифовальная фабрика работала от случая к случаю; она то получала крупные заказы и доводила количество рабочих до 350, то, наоборот, свертывала работу, распускала мастеров и сокращала штат до минимума. Лучшими ее годами был конец XVIII столетия, когда Екатерина II заваливала ее заказами для своего любимого Эрмитажа.

Значительный подъем переживала фабрика в николаевское время (40-е годы XIX в.), когда она выполняла многочисленные монументальные вещи для Нового Эрмитажа.

Разорение страны, вызванное Крымской войной, привело в середине 50-х годов к почти полному прекращению работы фабрики и только с 1868 г. она частично была восстановлена; здесь подготавливали крупные болванки и распиливали плиты дорогих порфиров и яшм для художественной доработки их на Екатеринбургской и, особенно, на Петергофской фабрике.

Вся округа жила только за счет этой фабрики. С двенадцатилетнего возраста дети рабочих и мастеров работали на фабрике во вспомогательных и основных цехах, начиная с подмазчиков и кончая сложнейшими специальностями — отдельщиков и шлифовальщиков. В отдельные годы существовал здесь и рисовальный класс, который давал некоторые художественные навыки будущим мастерам.

Вокруг Колыванской фабрики создалась небольшая кустарная промышленность. Некоторые жители поселка имели у себя на дому шлифовальные машины, которые обыкновенно приводили в движение жена или взрослая дочь. Но наждак с фабрики в продажу не отпускался, что было большим препятствием для развития кустарного дела.

В 1885 г., с получением фабрикой разрешения самой принимать частные заказы, работа кустарей сократилась, хотя управление фабрики и добилось права, для поощрения начинающих камнедельцев, издерживать ежегодно до 300 р. на покупку от них мелких изделий. В одном из отделений фабрики была устроена витрина, где были выставлены вещи, предназначенные для продажи. Небольшое количество предметов кустарного производства продавали через музеи кустарных изделий и через частных торговцев. Так, в 1898 г. кустари послали в петербургские магазины различных мелких вещей на сумму около 2000 руб.

*Ваза из светло-коричневой брекчи (Алтай) с ручками из золоченой бронзы.
Высота 40 см. Работа Колыванской фабрики, около 1800 г. Гос. Эрмитаж.*

Фабрика выполняла частные заказы на надгробные памятники, столешницы для лабораторий и парадные блюда.

Когда я в 1915 г. посетил Колыванскую фабрику, она напоминала старую заброшенную мельницу со скрипучим колесом. Старая техника производства в виде громадных деревянных качающихся рам и примитивных каменотесных долот-«наставок» была оригинальным памятником екатерининской эпохи, затерянным среди чудной алтайской природы с ее ярко-зелеными лесами, стремительными реками и сверкающими на солнце ледниками Белухи.

Тяжело пережила фабрика годы первой империалистической войны: заказов она не получала, работы на военные нужды на налаживались и, казалось, наступили последние дни ее существования. По инициативе инженера Ильи Николаевича Крыжановского, занявшего место директора фабрики в первые годы советской власти, начали изготавливать для местных школ грифельные доски и этим предприятие поддерживалось в течение нескольких лет; затем фабрика была законсервирована.

В 1930 г. работы на ней возобновились в скромных масштабах, фабрика занялась изготовлением мраморных и шиферных распределительных досок и оселков, весьма сходных с известным «арканзасом».

После Великой Отечественной войны Колыванскую фабрику, единственную из трех «русских гранилен» XVIII в. сохранившуюся до наших дней, передали в ведение треста «Русские самоцветы»; она стала выпускать в небольшом количестве художественные и технические изделия.

Но что же ждет Колыванскую фабрику в будущем? Неужели она не нужна для нашей страны? Неужели не ждет ее новый период расцвета, когда покроются дорогами дикие Алтайские хребты, когда проникнут автомашины в ущелья и долины Коргона, Хаир-Кумира, Убы, Чарыша, Бухтармы и других красивейших рек одного из самых замечательных и живописных горных районов нашей страны?

Я глубоко убежден в том, что при дальнейшем развитии Колыванской фабрики неповторимые яшмы и порфиры алтайских месторождений еще выйдут на мировой рынок и займут там первое место по красоте и разнообразию рисунка, по нежности и мягкости раскраски, по грандиозности монолитов.

ЦВЕТНОЙ КАМЕНЬ КОЛЫВАНСКОЙ ФАБРИКИ

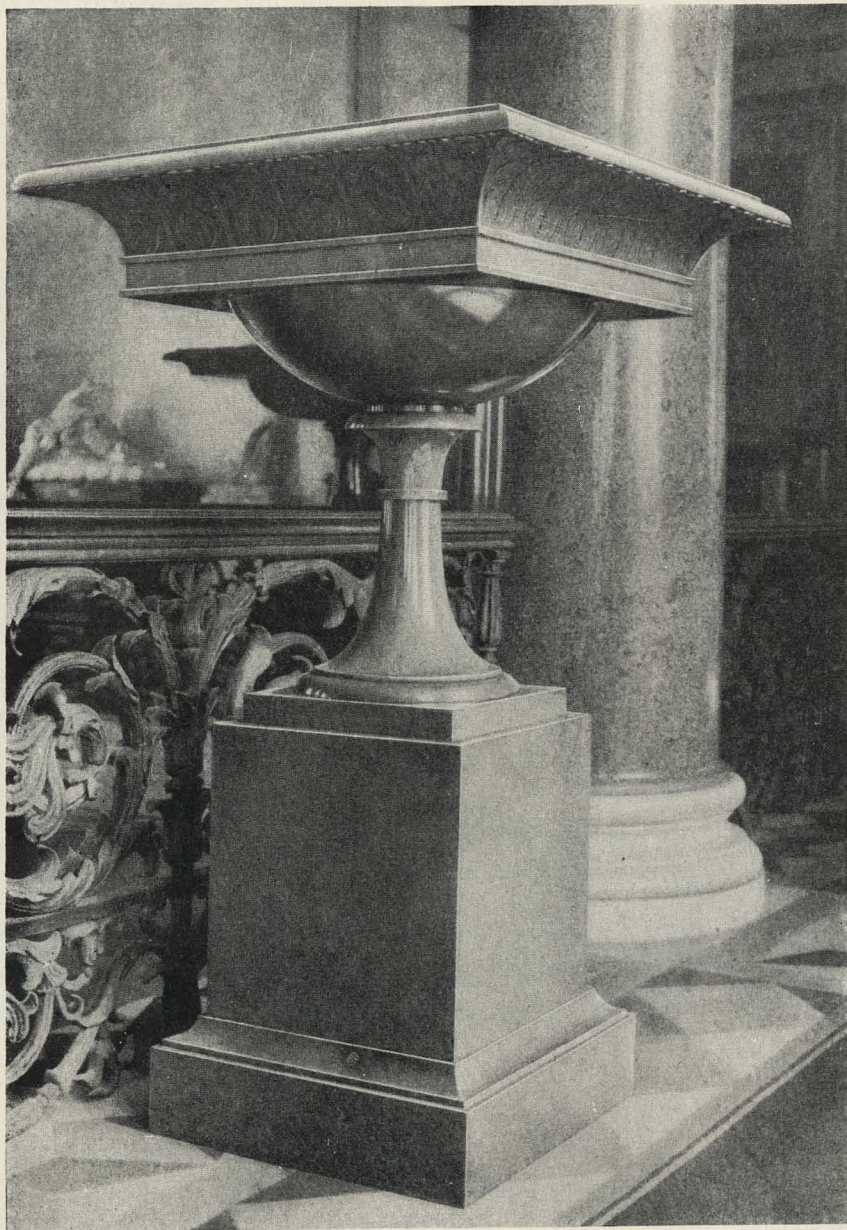
На Колыванской фабрике, в отличие от Петергофской и Екатеринбургской, обрабатывался только местный цветной камень.

На Алтае, на сравнительно небольшой территории, тяготеющей к фабрике, сосредоточено около 50 месторождений яшмы всех цветов и различных оттенков, разнообразных порфиров и кварцитов, открытых несколькими поколениями работников Колыванской фабрики.

Здесь залегают знаменитая ревневская зеленоволнистая яшма, напоминающая раскраской бурное море, и не менее замечательная парчовая яшма, сочетание

*Уникальная ваза из резневской яшмы Алтая. Высота 2,6 м, большой диаметр 5 м.
Работа Кольванской фабрики. Гос. Эрмитаж.*

*Ваза и пьедестал из серо-фиолетового коргонского порфира (Алтай).
Высота 149 см. Работа Кольванской фабрики, 1845 г. Экспонировалась
на Всемирной выставке в Лондоне 1851 г. Гос. Эрмитаж.*

золотистых и зеленых тонов которой имеет сходство с драгоценной парчой. Прекрасны также яшмы с р. Коргон — фиолетового, красно-бурого и серо-фиолетового оттенков, с красивым рисунком и копеечатыми включениями. Коргонская яшма лучше других цветных камней поддается полировке.

Необыкновенно красивы разнообразные яшмы из ущелий Хаир-Кумира. В своих донесениях П. И. Шаньгин описывает прекрасные белые яшмы с рисунками, напоминающими деревья, и темно-зеленые лабрадоровые порфиры, неотличимые от знаменитых зеленых античных порфиров (*Porphido verde antico*). Не менее замечательны красные порфиры, цвет которых зависит от присутствия марганцевого эпидота (пьемонтита); они сходны с античным египетским порфиром (*Porphido rosso antico*), который так ценился в древнем Риме и Византии.

Надо упомянуть также нежную зелено-синюю яшму с розовыми пятнами, струйчатого строения, называемую риддерской, или филипповской, разнообразные брекчи, серпентины, граниты, железистые кварциты, серые, белые, молочные, зеленые и розовые мраморы и мраморовидные известняки (белые, красные, серые, черные, синеватые), то сплошные, то с красивым рисунком, то просвечивающие, как итальянский статуарио, и, наконец, — бледно-розовые белоречиты (открытые в 1807 г.), с их нежными переходами от желтых к розовым тонам, а также горные хрустали и розовые кварцы Тигирецких белков. Нет в мире другого такого района, в котором были бы сосредоточены декоративные камни столь разнообразной окраски.

Недаром П. И. Шаньгин, один из славных открывателей Алтайского края, боровшийся за освоение его каменных богатств еще в конце XVIII столетия (1796 г.), писал: «Все эти цветочные породы дают превосходный материал не только для крупных вещей: колонн, ваз, каминов, канделябр и тому подобных предметов, составляющих обстановку царских жилищ, но и для мелких галантерейных украшений, требующих менее обильного, но более ценного камня».

Самая замечательная каменоломня — Коргонская — расположена высоко в горах, в 165 км от Кольванской фабрики. Ущелье Коргона представляет одно из живописнейших мест на Алтае, но пробраться к каменоломне можно лишь верхом, пересекая несколько раз вброд бурно пенящуюся реку.

Добытые в течение нескольких летних месяцев камни спускались к реке по крутым склонам оригинальным способом: многолетнюю лиственницу с наполовину обрубленными сучьями привязывали вершиной к камню, который и стаскивали вниз; лиственница, цепляясь за скалы и деревья, служила своеобразным тормозом, не давая камню раскатиться.

Камни, спущенные летом к реке, зимой тащили на волокушах до места впадения Коргона в р. Чарыш, потом везли по покрытому толстым льдом Чарышу, а оттуда по горам до фабрики. Так в зимнюю стужу сотни людей заняты были перевозкой камней на волокушах, в которые впрягались многие десятки лошадей.

Но нелегко было перевозить в Петербург, за многие тысячи километров, готовые изделия фабрики. Их отправляли с караванами серебра и золота, которые шли пять или шесть раз в год с военным конвоем; этот путь продолжался иногда

два года. Когда в 1831 г. был окончен Маринский канал, то грузы с «серебряными» караванами довозили только до Екатеринбурга, а оттуда каменные изделия отправляли на особых баржах по рекам Чусовой и Каме, далее их тащили бурлаки по Волге и наконец они по каналу попадали в Неву.

Но эти трудности не останавливали любителей алтайского камня в Петербурге и энтузиастов, работавших на затерянной среди гор и лесов шлифовальной фабрике. Достаточно отметить, что только за сто лет (1802—1902) существования Кольванской фабрики на ней было изготовлено: около 250 крупных ваз; 74 колонны для украшения дворцов и храмов (многие длиной более 4 м); 33 камина, 21 канделябр, столешницы, пьедесталы к вазам и огромное количество мелких художественных изделий. Всего за эти годы было выработано изделий на 1 млн. золотых рублей.

Лучшие произведения фабрики находятся в Государственном Эрмитаже. Их можно видеть и в других дворцах Ленинграда, в залах Кремлевского дворца и в ряде музеев и дворцов за рубежом. Так, одна из самых прекрасных ваз Кольвани, работы 1879 г., из зеленоволнистой яшмы на мраморном пьедестале, вышиной 3 м, отделанная прекрасной бронзой, находится ныне в Париже.

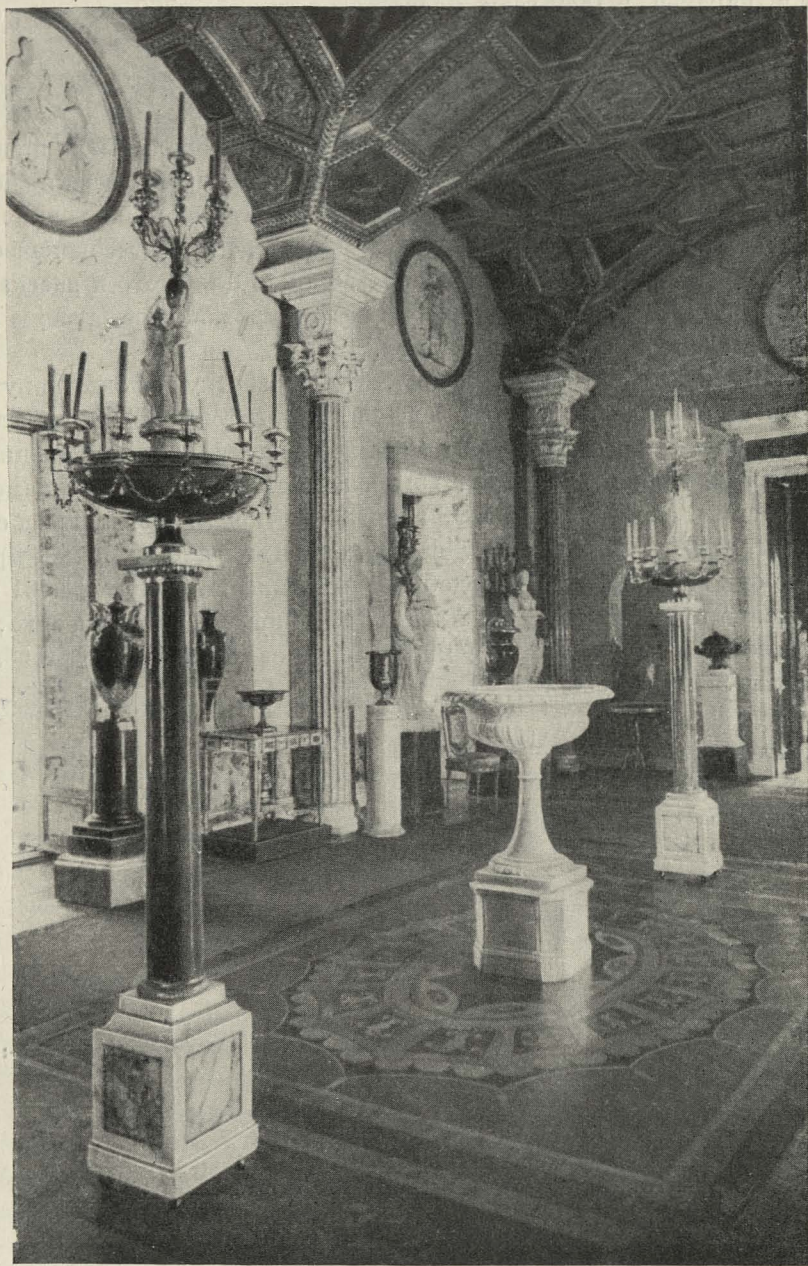
Вазы и чаши Кольванской фабрики, выставленные в Государственном Эрмитаже, вызывают восторг и удивление всех посетителей музея. Грандиозные по размерам, прекрасные по материалам и тонкому мастерству, они стоят на одном уровне с великими античными произведениями из камня. Жюри Всемирной выставки в Лондоне (1851 г.), присудившее Кольванской фабрике премию, отметило в своем решении: «Мы не думаем, чтобы столь грандиозные и так хорошо сделанные произведения были когда-либо исполнены со времен греков и римлян».

Эти художественные достижения, эта мировая слава Кольванской фабрики были результатом напряженного труда, тяжелой борьбы с суровой алтайской природой и преодоления громадных расстояний, отделяющих ее от культурных центров.

Я хочу остановиться на двух документах, которые помогут понять и оценить всю тяжесть человеческого труда, затраченного на произведения камнерезного искусства Кольванской фабрики. В одном говорится об условиях изготовления и перевозки самой большой вазы из зеленоволнистой ревневской яшмы, сделанной по рисунку знаменитого зодчего Гваренги: *Мельникова, Гайдера*

«Глыба камня, из которого высечена была ваза, весила около 1200 пудов. Камень был добыт в 1829 году. Два года он обрабатывался на самом месторождении, затем с исключительным трудом был привезен за 50 верст через леса и горы к самой фабрике Кольванской. Более 500 рабочих были заняты расчисткой дороги и на устройстве мостов. Двенадцать лет работалась эта ваза на самой фабрике в Кольвани, только в феврале 1843 года она была отправлена под особым наблюдением берггешворена 12 класса Ивачева и доставлена была в Петербург в августе этого же года. Весила она в обработанном виде около 650 пудов.

Во время следования сухим путем до реки Чусовой на расстоянии более 2000 верст запрягалось под нее одновременно от 120 до 160 лошадей. Наконец она

*Изделия Кольманской фабрики в Агатовой комнате Павловского Эр.
дворца-музея.*

прибыла в Петербург. Чтобы поставить ее в Эрмитаже, надо было вывести особый фундамент и, наконец, в 1849 году, после упорных работ 770 рабочих, она была поставлена в нижнем этаже.

Напомню, что высота этой вазы 2,6 м, большой диаметр более 5 м и малый около 3 м.

Я не буду говорить о том, сколько в суровых условиях Сибири затрачивалось тяжелого труда, чтобы создать замечательные произведения искусства, которыми мы восторгаемся в Государственном Эрмитаже. Мне хочется остановиться на том, какие усилия прилагались, чтобы добыть высококачественный камень для крупных изделий Колыванской фабрики. Для этого я расскажу историю четырех колонн в «Храме на крови» в Петербурге, показывающую условия, в которых приходилось работать в Сибири.

Больше 12 лет было затрачено на доставку, обработку и подготовку колонн. Каменные глыбы сначала были перевезены на Петергофскую фабрику, где на них стали снимать каннелюры; при этом выяснился ряд дефектов их строения, вследствие чего в срочном порядке (в 1894 г.) были заказаны в Коргонской каменоломне две новые колонны. Лишь в конце 1896 г. удалось открыть новый выход серо-фиолетовой яшмы, пригодной для изготовления колонн, и в 1900 г. камни прибыли в Петергоф; но они опять оказались недоброкачественными. Только в 1901 г. поступили совершенно пригодные камни, а в 1903 г. закончена их полировка, подгонка квадратных баз и капителей, но сами капители из-за сложности резьбы, могли быть окончены лишь в 1906 г.¹

---

¹ См. приложение 5.

